

НАНДО ПАРРАДО
ВИНС РОС

ЧУДО В АНДАХ

72 ДНЯ В ГОРАХ
И МОЙ ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Винс Рос
Нандо Паррадо
Чудо в Андах. 72 дня в горах
и мой долгий путь домой
Серия «Выжить в апокалипсисе.
Истории преодоления»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68779440
Чудо в Андах. 72 дня в горах и мой долгий путь домой:
ISBN 978-5-17-134052-0

Аннотация

«Чудо в Андах» – рассказ от первого лица о крушении самолета и его последствиях. Это больше, чем захватывающая история о реальных приключениях: это откровенная исповедь о жизни на краю смерти и размышление о безграничной искупительной силе любви.

...Нандо Паррадо пролежал без сознания три дня, а затем очнулся и узнал, что самолет, на котором он летел с командой регбистов в сопровождении ближайших родственников и болельщиков на товарищеский матч в Чили, разбился где-то высоко в Андах. Вскоре стало ясно, что многие из пассажиров умерли или умирают, в том числе его мать и сестра. Выжившие при крушении оказались в ловушке на безжизненном леднике

на высоте более 3600 метров над уровнем моря, без каких-либо припасов и без возможности позвать на помощь. Они с великим трудом пережили морозы, смертоносные лавины и... голод. А затем ужасающее известие о том, что спасатели прекратили их разыскивать. Нандо решил, что его долг – вернуться домой или погибнуть попытавшись. Это было отчаянное решение, но в то же время – единственный шанс на спасение. Итак, Нандо – самый обыкновенный парень, ничуть не склонный к лидерству или героизму, – возглавил экспедицию в попытке найти помощь. Ему предстоял путь вверх на предательски коварные склоны увенчанной снежной шапкой горы, а дальше – через семьдесят с лишним километров замерзшей пустыни.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Нандо Паррадо

Чудо в Андах

72 дня в горах и мой долгий путь домой

Nando Parrado, Vince Rause

MIRACLE IN THE ANDES:

72 DAYS ON THE MOUNTAIN AND MY LONG TREK HOME

© Nando Parrado, 2006

© Л. А. Борис, перевод, 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

Вероник, Веронике и Сесилии

*Оно того стоило. Я бы снова прошёл весь этот
путь ради вас.*

Пролог

В первые часы не было ничего: ни страха, ни печали, ни ощущения хода времени, ни одного мерцания мысли, ни одного воспоминания, просто чёрная, абсолютная тишина. Затем появился свет, зыбкое серое пятно дневного света, и я потянулся к нему из темноты, словно дайвер, всплывающий на поверхность. Сознание возвращалось медленно, словно выступающие на царапине капли крови, и я с трудом очнулся, попав в призрачный мир между беспмятством и реальностью. Я слышал голоса и ощущал движение вокруг, но мысли у меня путались, а перед глазами всё расплывалось. Я различал лишь тёмные силуэты и пятна света и тени. Когда я в замешательстве уставился на эти неясные очертания, я заметил, что некоторые тени двигались, и, наконец, сообразил, что одна из них нависла надо мной.

– Нандо, *podés oírme?* Ты меня слышишь? С тобой всё нормально?

Тень приблизилась ко мне, и пока я тупо смотрел на нее, превратилась в человеческое лицо. Я увидел спутанные тёмные волосы и пару глубоко посаженных карих глаз. Глаза были добрые, – я точно знал этого человека, – но за добротой таилось что-то ещё, исступление, твёрдость, сдерживаемое чувство отчаяния.

– Давай же, Нандо, очнись!

«Почему так холодно? Почему так ужасно болит голова?» Я пытался отчаянно высказать эти мысли, но ничего не выходило. Губы не слушались меня, а усилие быстро истощило мои силы. Я закрыл глаза и тут же снова уплыл в черноту. Но скоро стали слышны другие голоса, и, когда я опять открыл глаза, надо мной плавали новые лица.

– Он пришёл в себя? Слышит тебя?

– Скажи что-нибудь, Нандо!

– Не сдавайся, Нандо. Мы с тобой. Очнись!

Я ещё раз попробовал заговорить, но у меня получился только хриплый шёпот. Тогда кто-то наклонился надо мной и очень медленно сказал мне на ухо:

– *Nando, el avión se estrelló! Caímos en las montañas.*

Было крушение, сказал он. Самолёт потерпел крушение. Мы упали в горах.

– Ты меня понимаешь, Нандо?

Я не понимал. Нет, я догадался по тихой настойчивости, с которой были произнесены эти слова, что это очень важно. Но никак не мог постичь смысла этих слов или сообразить, что они имеют какое-то отношение ко мне. Реальность казалась далёкой и приглушенной, как будто я застрял в каком-то странном сне и всё никак не могу заставить себя проснуться. Я парил в таком тумане несколько часов, но, наконец, ощущения начали проясняться, и я сумел рассмотреть своё окружение. С первых же смутных мгновений возвращения сознания меня озадачил целый ряд мягких округлых просве-

тов, маячивших передо мной. Теперь я узнал в этих пятнах света маленькие круглые иллюминаторы самолёта. Я понял, что лежу на полу пассажирского салона коммерческого самолёта, но, посмотрев вперёд, в сторону кабины пилотов, я сообразил, что всё в этом самолёте как-то неправильно. Фюзеляж откатился в сторону, так что спина и голова у меня упирались в нижнюю стенку правого борта самолёта, а ноги были вытянуты в приподнятый вверх проход. Большинство кресел в самолёте отсутствовало. С поврежденного потолка свисали провода и трубки, а из дыр в обшарпанных стенах грязными лоскутами свисали обрывки изоляции. Пол вокруг меня был усеян кусками разбитого пластика, обломками искорёженного металла и прочими отвалившимися предметами. Было светло. Воздух был очень холодным, так что, хотя и был сильно контужен, я поразился, до чего тут холодно. До того я всю жизнь прожил в Уругвае, а это тёплая страна, и даже зимой там не бывает холодно. О том, что такое настоящая зима, я впервые узнал лишь в возрасте шестнадцати лет, когда поехал по обмену учиться в город Сагино в штате Мичиган. Я тогда не взял с собой в Сагино никакой тёплой одежды, и помню, как впервые почувствовал настоящий зимний ветер Среднего Запада, как ветер пронизывал мою тонкую весеннюю куртку, а ноги в лёгких мокасынах превращались в ледышки. Но я и представить себе не мог ничего похожего на резкие порывы ледяного ветра, сотрясавшие фюзеляж. Холод был дикий, проникающий до костей холод, который

жѐг кожу, как кислота. Я ощущал боль в каждой клеточке тела, и, пока я судорожно дрожал от ветра, каждое мгновение, казалось, длилось целую вечность.

Лѐжа на продуваемом сквозняками полу самолѐта, я никак не мог согреться. Но холод был не единственной моей заботой. В голове сильно пульсировала боль, такая резкая и свирепая, что казалось, будто у меня в черепе застряло какое-то дикое животное, которое отчаянно пытается вырваться наружу. Я осторожно протянул руку, чтобы потрогать макушку. В волосах запеклись сгустки засохшей крови, а три кровоточащие раны образовали неровный треугольник сантиметрах в десяти над правым ухом. Я нащупал резкие выступы сломанной кости под свернувшейся кровью, и, слегка надавив, ощутил под пальцами что-то упругое и слегка пружинящее. У меня всё внутри сжалось, едва я понял, что это такое: я прижимаю осколки разбитого черепа к поверхности моего мозга. Сердце бешено колотилось в груди. Дыхание стало неровным и поверхностным. Я уже готов был запаниковать, когда снова увидел над собой карие глаза и, наконец, узнал лицо своего друга Роберто Канессы.

– Что случилось? – спросил я его. – Где мы?

Роберто нахмурился и наклонился, осматривая раны у меня на голове. Он всегда был серьёзным и настойчивым и имел сильную волю. Взглянув ему в глаза, я увидел твёрдость и уверенность, которыми он был известен. Но в его лице появилось что-то новое, что-то тѐмное и тревожное, чего я

раньше не замечал. Это был затравленный взгляд человека, из всех сил пытающегося поверить во что-то невероятное, человека, потрясённого ошеломляющим известием.

– Ты пролежал без памяти трое суток, – проговорил он вообще без всяких эмоций в голосе. – Мы уже решили, тебе конец.

Мне показалось, в его словах вообще нет никакого смысла.

– Что со мной случилось? Почему так холодно? – спросил я.

– Ты в состоянии меня понять, Нандо? – уточнил Роберто. – Мы разбились в горах. Самолёт разбился. Мы потерпели крушение.

Я слабо повёл головой в замешательстве или отрицании, но не сумел долго отрицать то, что происходило вокруг меня. Я слышал тихие стоны и резкие крики боли и начал понимать, что это были звуки страданий других людей. Я видел раненых, лежащих в импровизированных койках и гамаках по всему разбитому салону и фигуры людей, склонившиеся, чтобы помочь им, они тихо переговаривались, медленно и целеустремленно двигаясь взад и вперед по салону. Я впервые заметил, что рубашка у меня на груди спереди покрыта влажной коричневой коркой. Корка оказалась липкой и жирной, когда я коснулся её кончиком пальца, и я понял, что это прискорбное месиво – моя собственная подсыхающая кровь.

– Ты понимаешь меня, Нандо? – снова спросил Роберто. –

Помнишь, мы летели на самолёте... Летели в Чили...

Я прикрыл глаза, показывая, что помню. Теперь я очнулся, и забытье уже не могло защитить меня от правды. Я понимал его слова, и, пока Роберто осторожно смывал у меня с лица запекшуюся кровь, я начал вспоминать.

Глава 1

До

Была пятница, тринадцатое октября. Мы шутили об этом, о том, что нам предстоит перелёт через Анды в такой несчастливый день, но молодым людям так легко даются шуточки такого рода. Наше путешествие началось днём раньше из Монтевидео, моего родного города, а конечным пунктом был Сантьяго в Чили. Это был чартерный рейс на двухмоторном турбовинтовом самолёте *Fairchild*, и моей команде регбистов – сборной регби-клуба *Old Christians* – предстояло сыграть товарищеский матч с лучшей чилийской командой. На борту находилось сорок пять человек, в том числе четыре члена экипажа – пилот, второй пилот, механик и стюард. Большинство пассажиров были моими товарищами по команде, а ещё с нами летели друзья, члены семьи и другие болельщики команды, включая мою мать Эухению и мою младшую сестру Суси¹, которые сидели на ряд впереди от меня по другую сторону прохода. Наш первоначальный маршрут предполагал беспосадочный перелёт до Сантьяго продолжительностью около трёх с половиной часов. Но уже буквально через час после взлёта сообщения о непогоде в горах за-

¹ Суси – уменьшительный вариант от женского имени Сусана (Здесь и далее – Прим. пер.).

ставили пилота *Fairchild* Хулио Феррадаса посадить самолёт в Мендосе – старинном испанском колониальном городке к востоку от предгорий Анд.

Мы приземлились в Мендосе в обеденное время с надеждой, что через несколько часов снова поднимемся в воздух. Но прогнозы погоды не внушали оптимизма, и вскоре стало ясно, что нам придётся задержаться на ночь. Никому из нас не хотелось упускать ни одного дня из путешествия, но Мендоса – очаровательное местечко, и мы решили не терять там времени. Кое-кто из ребят устроился в уличных кафе вдоль широких бульваров Мендосы под густыми деревьями, другие отправились осматривать исторические кварталы города. Я провёл день с несколькими друзьями, мы смотрели автогонки на трассе за городом. Вечером мы пошли в кино, а остальные решили потанцевать с девушками-аргентинками, с которыми они только что познакомились. Моя мать с Суси проводили время, исследуя диковинные сувенирные лавочки Мендосы, там они купили подарки для знакомых в Чили и друзей, оставшихся дома. Мать была особенно рада отыскать пару красных детских башмачков в одной из лавчонок и думала, что они станут отличным подарком для новорожденного сына моей сестры Грасиэлы.

На следующее утро большинство из нас спали допоздна, а когда проснулись, нам не терпелось уехать, но об отъезде по-прежнему не было ни слуху ни духу, и мы разошлись в разные стороны, чтобы лучше осмотреть Мендосу. На-

конец, пришёл приказ прибыть в аэропорт ровно в час дня, но, добравшись туда, мы узнали лишь, что Феррадас и его второй пилот Данте Лагурара ещё не решили, полетим мы или нет. Мы отреагировали на эту новость с разочарованием и гневом, но никто из нас тогда не понимал, какое трудное решение предстоит принять пилотам. Утренние сводки погоды предупреждали о возможной турбулентности в пути, однако после беседы с пилотом грузового самолёта, который только что прилетел из Сантьяго, Феррадас был уверен, что *Fairchild* сможет благополучно подняться выше непогоды. Более тревожной проблемой было время дня. Шла уже вторая половина дня. К тому времени, как пассажиры поднимутся на борт, а официальные лица из аэропорта покончат со всеми формальностями, будет уже далеко за два часа. Во второй половине дня с аргентинских предгорий поднимается тёплый воздух и встречается с ледяным воздухом над линией снегов, создавая в атмосфере над горами предательскую нестабильность. Наши пилоты знали, что наступает самое опасное время для полётов через Анды. Невозможно было предугадать, куда ударят вихревые потоки; если бы они настигли нас, наш самолёт швырнуло бы вниз, как игрушку.

С другой стороны, нам нельзя было задерживаться в Мендосе. Самолёт *Fairchild F-227* мы арендовали у Уругвайских ВВС, а законы Аргентины запрещали иностранным военным самолётам оставаться на земле Аргентины дольше двадцати четырёх часов. Поскольку выделенное нам время подходи-

ло к концу, Феррадас и Лагурара должны были быстро принять решение: лететь ли им в Сантьяго и бросить вызов погодным условиям после полудня или направить *Fairchild* обратно в Монтевидео и положить конец нашему отпуску.

Пока пилоты обдумывали варианты, наше нетерпение росло. Мы уже потеряли целые сутки из запланированного путешествия в Чили, и мысль о том, что мы вот-вот потеряем ещё больше, приводила нас в отчаяние. Мы были дерзки, молоды, бесстрашны и самоуверенны, и нас злило, что долгожданный отпуск грозит сорваться из-за того, что казалось нам робостью пилотов. Мы не скрывали своих чувств. Увидев в аэропорту пилотов, мы стали издеваться над ними и свистеть. Мы дразнили их и ставили под сомнение их компетентность.

– Мы наняли вас, чтобы вы отвезли нас в Чили, – крикнул кто-то, – именно этого мы от вас и хотим!

Теперь невозможно узнать, повлияло ли наше поведение на их решение – казалось, оно и правда выбило их из колеи, – но, в конце концов, после последней консультации с Лагурарой, Феррадас оглядел толпу, беспокойно ожидавшую ответа, и объявил, что полёт в Сантьяго будет продолжен. Мы встретили это известие бурными аплодисментами.

Fairchild, наконец, вылетел из аэропорта Мендосы в восемнадцать минут третьего по местному времени. Когда мы набрали высоту, самолёт круто повернул влево, и вскоре мы уже летели на юг, а справа, на западном горизонте, поднима-

лись аргентинские Анды. Через иллюминаторы правой стороны я смотрел на горы, они вздымались над безводными плато под нами, словно чёрные миражи, такие мрачные и величественные, такие поразительно необъятные и огромные, что от одного их вида у меня начинало отчаянно биться сердце. Их чёрные гребни, уходящие корнями в массивные горные породы с колоссальными основаниями, простирающимися на многие мили, высились над равнинами, одна вершина теснила другую, так что получалась будто крепостная стена колоссальных размеров. Я не был молодым человеком, склонным к поэзии, но мне казалось, что могущество, с которым эти горы поднимались тут, служило предостережением, и невозможно было не думать о них как о живых созданиях, наделённых разумом, сердцем и несговорчивым характером. Неудивительно, что в давние времена люди считали эти горы святыми местами, называли их вратами в рай и местом обитания богов.

Уругвай – страна низменностей, и, как и у остальных моих друзей в самолёте, мои познания об Андах или вообще о каких-либо горах ограничивались тем, что я прочитал в книгах. В школе нас учили, что Андский хребет – самая протяжённая горная система в мире, протянувшаяся по всей Южной Америке, от Венесуэлы на севере до южной оконечности континента на Огненной Земле. Я также знал, что Анды – второй по высоте горный хребет на планете с точки зрения средней высоты; выше Анд только Гималаи.

Я слышал, как люди называли Анды одним из величайших геологических чудес Земли, и увиденное с самолёта помогло мне интуитивно понять, что это значит. К северу, югу и западу, насколько хватало глаз, тянулись горы, и, хотя нас отделили от них многие мили, они были так высоки и массивны, что казались непроходимыми. На самом деле, с нашей точки зрения, так оно и было. Наша цель, Сантьяго, лежит почти точно к западу от Мендосы, но участок Анд, разделяющий эти два города – один из самых высоких во всей горной цепи, именно тут расположены некоторые из самых высоких вершин в мире. Где-то там, например, была Аконкагуа, самая высокая гора Западного полушария, одна из семи высочайших вершин на планете. Её высота – почти семь тысяч метров, она всего на 1890 м отстаёт от Эвереста, а в соседях у Аконкагуа такие гиганты как гора Мерседарио, высотой 6 705,6 м и гора Тупонгато, высота которой составляет более шести с половиной километров. Вокруг этих чудищ толпятся другие огромные пики высотой от 4 876,8 до 6 096 м, и никто в этих диких местах никогда не удосуживался дать им название.

Поскольку на прямой до Сантьяго располагались такие высокие вершины, не было и речи о том, чтобы *Fairchild* с его-то максимальной крейсерской высотой в 6 858 м следовал в Сантьяго по прямому курсу с востока на запад. Вместо этого пилоты наметили курс, который должен был вывести нас примерно в ста шестидесяти километрах к югу от Мен-

досы к перевалу Планчон, узкому коридору через горы с достаточно низкими гребнями, где мог пролететь самолёт. Нам предстояло лететь на юг вдоль восточных предгорий Анд, где горы постоянно были бы справа от нас, пока мы не достигли бы перевала. Потом надо было повернуть на запад и перебраться через горы. Миновав хребты на чилийской стороне, мы должны были повернуть вправо и лететь на север, в Сантьяго. Полёт должен был занять около полутора часов. Ожидалось, что мы приземлимся в Сантьяго засветло.

На первом отрезке полёта всё было спокойно, и не прошло и часу, как мы достигли окрестностей перевала Планчон. Разумеется, я тогда не знал ни названия перевала, ни подробностей полёта. Однако я не мог не заметить, что после километров полёта, когда горы неизменно виднелись далеко на западе, мы совершили поворот на запад и теперь летели прямо в сердце гор. Я сидел в кресле у левого борта самолёта и глядел в иллюминатор, а плоский, однообразный ландшафт внизу будто подпрыгивал кверху, сначала появились неровные предгорья, а затем стали вздыматься вверх и изгибаться вдаль устрашающие изгибы настоящих гор. Гребни с акульными плавниками тянулись вверх, как наполненные ветром чёрные паруса. Грозные пики торчали, словно гигантские наконечники копий или сломанные лезвия боевых топоров. Узкие ледниковые долины прорезали крутые склоны, образуя ряды глубоких, извилистых, заснеженных коридоров, которые сходились, расходились и накладывались друг на дру-

га, создавая дикий, бесконечный лабиринт льда и камня. В южном полушарии зима уже уступила дорогу ранней весне, но в Андах температура всё ещё опускалась до 37 градусов ниже нуля по Цельсию, и воздух был сухим, как в пустыне. Я знал, что лавины, метели и смертоносные штормовые ветры были в этих горах обычным явлением и что предыдущая зима оказалась одной из самых суровых за всю историю, а высота снега кое-где составляла несколько десятков метров. На фоне гор не было видно вообще никаких красок, лишь пятна приглушённых оттенков чёрного и серого. Там не было ни мягкости, ни жизни, одни только скалы, снег и лёд, и, рассматривая изломанные зигзаги безжизненной пустыни внизу, я сознавал, до чего смехотворно высокомерие тех, кто когда-либо думал, будто люди покорили землю.

Глядя в иллюминатор, я заметил, что клочья тумана становятся гуще, а потом почувствовал, как меня тронули за плечо.

– Давай поменяемся местами, Нандо. Я хочу посмотреть на горы.

Это был мой друг Панчито, который сидел рядом со мной у прохода. Я кивнул и поднялся со своего места. Когда я встал, чтобы поменяться местами, кто-то крикнул: «Не спи, Нандо!» Я круто обернулся и как раз успел поймать мяч для регби, который кто-то кинул нам из хвостовой части салона. Я запустил мяч дальше вперёд, а затем сел на место Панчито. Все вокруг нас смеялись и разговаривали, парни переходили

по проходу туда-сюда, заговаривая с друзьями, сидевшими впереди или сзади. Несколько друзей, включая моего давнего друга Гвидо Магри, играли в карты в хвосте самолёта со свободными членами экипажа, среди которых был и стюард, но, когда в салоне стали перебрасываться мячом, стюард вышел вперёд и попытался успокоить ребят.

– Уберите мяч, – крикнул он. – Успокойтесь и, пожалуйста, займите свои места!

Но мы были молодыми регбистами, мы путешествовали в компании друзей, и никому не хотелось вести себя примерно. Наша команда *Old Christians* из Монтевидео была одной из лучших регбийных команд в Уругвае, и к нашим регулярным матчам мы относились серьёзно. Но в Чили нам предстояло сыграть только товарищеский матч, так что это путешествие мы воспринимали как настоящие каникулы, и в самолёте царила атмосфера, будто у нас уже начался отпуск.

Путешествовать с друзьями было прекрасно, особенно с такими друзьями. Нам столько довелось пережить вместе – годы обучения и тренировок, приводящие в отчаяние проигрыши, тяжело давшие победы. Мы выросли, ощущая себя товарищами по команде, черпая силы друг у друга, учась доверять друг другу, когда на нас давили. Но игра в регби не просто сформировала нашу дружбу, она сформировала наши характеры и свела нас вместе как братьев.

Многие из *Old Christians* знали друг друга более десяти лет, с тех пор, когда мы были ещё школьниками-регби-

стами и тренировались под руководством ирландских «Братьев-христиан» в школе «Стелла Марис». «Братья-христиане» перебрались в Уругвай из Ирландии в начале 1950-х годов по приглашению группы родителей-католиков, которым хотелось основать в Монтевидео частную католическую школу. Пять человек из католической организации в Ирландии откликнулись на приглашение, и в 1955 году они учредили Колледж «Стелла Марис» – частную школу для мальчиков в возрасте от девяти до шестнадцати лет, расположенную в районе Карраско, где проживало большинство учеников.

Для «Братьев-христиан» главной целью католического образования было воспитание характера, а не интеллекта, и их методы обучения уделили особое внимание таким качествам как дисциплина, благочестие, бескорыстие и почтительность. Желая поощрять эти ценности за пределами учебных классов, «Братья» с неодобрением относились к естественной для южноамериканцев страсти – игре в футбол, поскольку, по их мнению, эта игра воспитывала лишь эгоизм и эготизм, вместо этого они предложили нам более грубую, более приземлённую игру в регби. На протяжении многих поколений регби было истинной страстью ирландцев, но в нашей стране оно было практически неизвестно. Поначалу игра казалась нам странной – такая жёсткая и грубая, столько пинков и толчков и так мало настоящего футбольного таланта. Но «Братья-христиане» твёрдо верили, что качества,

необходимые для того, чтобы овладеть этим видом спорта – те самые, что нужны в жизни примерным католикам: смирение, упорство, самодисциплина и верность своим ближним, и они были полны решимости научить нас играть в эту игру, и играть хорошо. Мы достаточно быстро поняли, что стоит только «Братьям-христианам» принять какое-то решение, и их уже ничто не сможет поколебать. Поэтому мы отложили в сторону футбольные мячи и познакомились с приплюснутым мячом из толстой свиной кожи, которым играют в регби.

Во время долгих, жёстких тренировок на полях позади школы «Братья» начали с нуля, обучая нас хитрым премудростям игры – что такое «ракинг»² и «мол»³, как вступать в схватку и «разыгрывать коридор», как бить, пасовать и захватывать мяч. Мы узнали, что регбисты не надевают ни щитков, ни шлемов, и при этом от нас ждали агрессивной игры и большого физического мужества. Но регби – больше,

² Ракинг, или рак, в регби – фаза матча, когда один или несколько игроков от каждой команды, стоя на ногах и находясь в физическом контакте, группируются вокруг мяча, лежащего на земле между ними. В раке должны принимать участие как минимум по одному игроку от каждой команды. Рак может быть сформирован только на игровом поле.

³ Мол – ситуация, когда обладающего мячом игрока удерживают один или несколько соперников, при этом сам игрок находится в контакте со своим товарищем по команде. Когда мол сформирован, новые игроки могут присоединиться к борьбе, как и в случае рака, но только со стороны своих партнёров. Если в рамках мола в течение 5 секунд нет движения вперёд или мяч становится недоступным для игры, арбитр назначает схватку в пользу команды, которая не владеет мячом до начала мола.

чем игра грубой силы; регби требует продуманной стратегии, быстроты мышления и ловкости. Больше всего эта игра требовала от товарищей по команде развивать непоколебимое чувство доверия. Нам объясняли, что, если один из товарищей по команде падает на землю или его сшибают, он «становится травой». Таким образом нам растолковывали, что оказавшийся на земле игрок может быть растоптан и затоптан соперниками, как если бы он был частью газона на поле. Одно из первых правил, которое нам привили – как вести себя в ситуации, когда товарищ по команде «становится травой». «Ты должен стать его защитником. Должен пожертвовать собой, чтобы защитить его. Он должен знать, что может на тебя рассчитывать».

Для «Братьев-христиан» регби было не просто игрой, это был спорт, вознесённый до уровня моральной дисциплины. В его основе лежала непоколебимая вера в то, что ни один другой вид спорта не способен настолько хорошо научить, как важны для достижения общей цели борьба, страдания и готовность к самопожертвованию. «Братья» рассуждали обо всём этом с такой страстью, что нам ничего не оставалось, как поверить им, и по мере того, как мы всё глубже постигали суть игры, мы убедились, что «Братья» были правы.

Проще говоря, цель игры в регби состоит в том, чтобы получить контроль над мячом – обычно за счет комбинированного использования хитрости, скорости и грубой силы, а затем, ловко пасуя мяч между бегущими товарищами по

команде, забросить мяч в ворота или получить очки за «попытку занести мяч в зачётную зону». Регби может быть игрой ошеломляющей скорости и поразительной ловкости, игрой ювелирно-точных пасов и блестящих маневров уклонения. Но для меня суть игры только в жестоком, контролируемом рукопашном бою, называемом «схватка». Это фирменное отличие регби от других игр с мячом. Во время «схватки» каждая команда выстраивается в плотную группу, образуя три ряда обороны, игроки, пригнувшись, группируются плечом к плечу, их руки крепко сцеплены, так что получается мощный клин, обращённый вперёд. Противоборствующие стороны сходятся, и первый ряд одной команды пихается плечами с игроками первого ряда другой команды, так что получается замкнутый круг неровной формы. По сигналу судьи мяч вбрасывают в этот круг, и участвующие в «схватке» игроки каждой команды стараются оттолкнуть соперников подальше от мяча, чтобы один из своих игроков из первого ряда мог перебросить мяч назад через ноги своих товарищей по команде игрокам задней линии, которые готовы вырвать мяч и начать атаку.

Схватка во время матча – свирепое противостояние: колени ударяют в виски, локти бьют по челюсти, голени постоянно в крови от ударов тяжеленными шипованными бутсами. Это грубый труд, тяжёлая работа, но всё меняется в мгновение ока, как только полузащитник схватки забирает мяч, и начинается атака. Первый пас может быть адресован «блуж-

дающему полузащитнику», задача которого – уклоняться от встречных защитников, выигрывая время для игроков позади него, чтобы найти открытый участок. За долю секунды до того, как его опрокинут, блуждающий полузащитник швыряет мяч назад, внутреннему центральному, тот обходит одного соперника, но тут на его пути встаёт следующий, и, падая вперёд на бегу, он передаёт мяч одному из крыльевых игроков сзади. Теперь мяч чётко перелетает от одного защитника к другому – от фланкера к крылевому, от того к центральному и снова к крылевому; и каждый из игроков бьёт, крутится, подныривает или пропихивается вперёд, пока соперники, проводящие захват, не опрокинут его на землю. Игрока, захватившего мяч, будут удерживать в «моле» соперники и партнёры по команде; как только мяч окажется на земле, будет формироваться «ракинг», на каждом сантиметре поля закипают битвы, но затем одному из наших игроков удастся найти угол, высмотреть крохотное оконце-просвет, и тогда в последнем отчаянном рывке он пронесется мимо последних защитников и нырнет через линию, стараясь занести мяч в зачётную зону в засчитанной «попытке». Вот так грубая возня и жестокость «схватки» сменяется изящным танцем. И успех в подобной ситуации не является заслугой кого-то одного. Засчитанную «попытку» зарабатывают сантиметр за сантиметром, она становится результатом вклада каждого, и независимо от того, кто в конце концов занёс мяч в зачётную зону через линию, успех принадлежит всей команде.

Моей работой было встать во время «схватки» позади пригнувшихся игроков первого ряда, моя голова была втиснута между их бёдер, мои плечи толкали их бёдра, а руками я охватывал их сзади. Когда игра начиналась, я изо всех сил напирал на первый ряд и старался протолкнуть построение «схватки» вперёд. Я так хорошо помню это ощущение: поначалу тяжесть противостоящего построению «схватки» огромна, и кажется, что сдвинуть её с места невозможно. И всё же зарываешься ногами в землю, ищешь выход из безвыходного положения, отказываешься сдаваться. Помню минуты крайнего напряжения, когда я с усилием устремлялся вперёд, пока ноги не оказывались полностью выпрямлены, а тело, наклонённое параллельно земле, не становилось почти прямым, безнадежно упираясь в то, что казалось сплошной каменной стеной. Иногда казалось, что безвыходная ситуация длится вечно, но, если мы сохраняли свои позиции и каждый выполнял свою работу, сопротивление соперников ослабевало, и каким-то чудом неподвижный объект начинал медленно сдвигаться. Вот что примечательно: в момент успеха невозможно отделить собственные усилия от усилий всего построения «схватки». Нельзя определить, где кончается твоя сила и начинаются усилия других. В каком-то смысле ты перестаёшь существовать как отдельный человек. На краткий миг ты забываешь о себе. Становишься частью чего-то большего и более могущественного, чем мог бы стать в одиночку. Твои усилия и воля растворяются в коллектив-

ной воле команды, и, если эта воля сплочена и сфокусирована, команда устремляется вперёд, и «схватка», словно по волшебству, начинает сдвигаться.

Для меня это – сама суть регби. Ни один другой вид спорта не даёт такого сильного ощущения самоотверженности и единой цели. Думаю, именно поэтому регбисты во всём мире испытывают такую страсть к своей игре и такое чувство братства. Будучи молодым человеком, я, понятное дело, не умел выразить это словами, но знал, и мои товарищи по команде знали, что в этой игре есть что-то особенное, и под руководством «Братьев-христиан» мы страстно полюбили спорт, и эта любовь сформировала нашу дружбу и нашу жизнь. Целых восемь лет мы играли в регби во имя «Братьев-христиан»: только представьте себе, братство молодых парней с латинскими именами, гордо носящих ярко-зелёный трилистник⁴ на спортивной форме, поглощено игрой с глубокими корнями в англоязычной культуре, и всё это под безоблачным небом Уругвая. Игра стала такой неотъемлемой частью нашей жизни, что многие из нас, окончив в шестнадцать лет школу «Стелла Марис», не захотели смириться с мыслью, что наши игровые дни остались в прошлом. Спасение пришло в форме клуба *Old Christians*, частной регбийной команды, созданной в 1965 году предыдущими выпускниками программы регби в школе «Стелла Марис», чтобы дать регбистам школы шанс продолжить играть в регби по окон-

⁴ Трилистник – символ Ирландии.

чании школьного курса.

Когда «Братья-христиане» только прибыли в Уругвай, мало кто в стране хоть когда-либо видел матч по регби, однако к концу 1960-х годов игра начала набирать популярность, появилось немало хороших команд, которым вполне по силам было бросить вызов клубу *Old Christians*. В 1965 году мы вступили в Национальную Лигу регби и вскоре стали одной из лучших команд страны, победив в чемпионате Уругвая в 1968 и 1970 годах. Воодушевленные успехом, мы начали планировать матчи в Аргентине и быстро обнаружили, что можем постоять за себя в схватках с лучшими командами этой страны. В 1971 году мы отправились в Чили и выступили очень успешно, хотя у нас были весьма сильные противники, включая сборную команду Чили. Поездка была настолько удачной, что было решено приехать в Чили ещё раз в следующем 1972 году. Несколько месяцев я с нетерпением ждал этой поездки, и, окидывая взглядом салон самолёта, ничуть не сомневался, что товарищи по команде разделили мои чувства. Мы столько пережили вместе. Я знал, что дружба, которую я обрёл в команде по регби, продлится всю жизнь, и был счастлив, что так много моих друзей летят со мной в этом самолёте. Среди них был Коко Николич, наш лок-форвард, один из самых крупных и мощных игроков команды. Энрике Платеро, серьёзный и уравновешенный, был «столбом»⁵ – одним из самых крепких парней, которые по-

⁵ По другой классификации – «проп».

могали удерживать линию в «схватке». Рой Харли был крыльевым форвардом, он полагался на свою скорость, чтобы обогнать защитников команды противника и оставить из позади. Роберто Канесса был тоже крыльевым, одним из самых сильных и выносливых игроков. Артуро Ногейра – наш полузащитник, отлично владеющий пасом на дальнее расстояние, мастер самого сильного броска в команде. Стоило только взглянуть на широкую спину и мощную шею Антонио Визинтина, как становилось ясно, что это один из форвардов первой линии, именно на его долю приходится большая часть массы построения «схватки». Густаво Зербино, чьим мужеством и решимостью я всегда восхищался, был разносторонним игроком, умеющим играть в различных позициях. А Марсело Перес дель Кастильо, ещё один крылевой форвард, был очень быстр, очень храбр, отлично умел заносить мяч и яростно проводил захват. Марсело был также капитаном нашей команды, лидером, которому мы готовы были доверить нашу жизнь. Именно Марсело принадлежала идея вернуться в Чили, и он упорно трудился, чтобы осуществить свой план: он арендовал самолёт, нанял пилотов, организовал матчи в Чили и сумел создать невероятный ажиотаж вокруг нашей поездки.

Были и другие – Алексис Хуни, Гастон Костемалле, Дэниел Шоу, и все – отличные игроки и мои друзья. Но самым давним моим другом был Гвидо Магри. Мы познакомились с ним в мой первый день в школе «Стелла Марис» – мне бы-

ло восемь лет, а Гвидо был на год старше, и с тех пор мы были неразлучны. Мы с Гвидо росли вместе, играли в футбол и разделяли любовь к мотоциклам, автомобилям и автогонкам. Когда мне исполнилось пятнадцать, у нас обоих уже были мопеды, которые мы модифицировали по-дурацки – сняли глушители, поворотники и крылья, и мы гоняли на них в Лас-Делисиас, самое знаменитое кафе-мороженое нашего района, где вместе пускали слюни на девочек из школы «Саградо Корасон» по соседству, надеясь произвести на них впечатление нашими усовершенствованными тарактелками. Гвидо был надёжным другом, с хорошим чувством юмора, всегда готовый шутить и смеяться. Он также был превосходным полузащитником в «схватках», быстрым и умным, как лиса, с крепкими руками и изрядным мужеством. Под руководством «Братьев-христиан» мы оба со всепоглощающей страстью полюбили игру в регби. Отыграв несколько сезонов, мы упорно работали, оттачивая наши навыки, и к тому времени, когда мне было пятнадцать, каждый из нас уже заработал себе место в стартовом составе команды «Стелла Марис» в разновидности регби-15. После окончания школы мы оба были приняты в *Old Christians* и провели несколько сезонов, счастливо играли и наслаждались активной жизнью весёлых молодых регбистов. Для Гвидо беззаботная жизнь закончилась в 1969 году, когда он повстречал красавицу – дочь одного чилийского дипломата – и влюбился в неё. Теперь она была его невестой, и он был счастлив вести себя

прилично ради неё.

После помолвки Гвидо мы с ним виделись уже не так часто, так что я стал проводить больше времени со вторым моим давним другом, Панчито Абалем. Панчито был на год младше меня, и, хотя он тоже окончил школу «Стелла Марис» и был игроком школьной команды регби-15, мы с ним познакомились всего несколько лет назад, когда Панчито вступил в клуб *Old Christians*. Мы мгновенно подружились и за прошедшие годы стали очень близки, как братья, наслаждаясь крепкими товарищескими отношениями и глубокой симпатией между нами, хотя многие, наверное, удивлялись нашей дружбе. Панчито был нашим крыльевым – эта позиция требует сочетания скорости, силы, интеллекта, ловкости и молниеносной реакции. Если и есть гламурная позиция в регбийной команде, так это крылевой, и Панчито идеально подходил для этой роли. Длинноногий и широкоплечий, невероятно быстрый и ловкий, словно гепард, он играл в регби с такой естественной грацией, что даже самые быстрые движения, казалось, давались ему без усилий. Панчито всё давалось легко и быстро, особенно преуспел он в другой своей великой страсти – умении подцеплять хорошеньких девушек. И ему ничуть не мешали светлые, как у кинозвезды, волосы или то, что он был богач и прекрасный спортсмен, наделённый природной харизмой, о которой большинству из нас можно было лишь мечтать. В те дни я был убеждён, что ни одна женщина на свете не могла бы устоять перед Панчито,

стоило только ему положить на неё глаз. У него не было проблем с поиском подружек; казалось, девчонки сами находят дорогу к нему, а он кадрил их с такой лёгкостью, что иногда это казалось волшебством. Однажды, например, в перерыве матча по регби Панчито заявил мне: «У нас тобой двойное свидание после игры. Вон, видишь, те двое в первом ряду».

Я посмотрел туда, где сидели девушки. Мы с ними никогда раньше не встречались.

– Но как тебе это удалось? – спросил я его. – Ты же даже не уходил с поля!

Панчито только пожал плечами, но тут я вспомнил, что в начале игры он преследовал мяч за пределами поля рядом с тем местом, где сидели девушки. Он успел только улыбнуться им и сказать пару слов, но для Панчито этого было достаточно.

Для меня все было иначе. Как и Панчито, я тоже страстно увлекался регби, но игра никогда не давалась мне легко. Еще ребёнком я как-то упал с балкона и сломал себе обе ноги, так что из-за этих переломов колени у меня оказались слегка вывернуты кнаружи, что лишило меня ловкости, необходимой для игры в регби на самых эффектных позициях. Однако я был высок, крепок и быстр, так что меня поставили форвардом второй линии. Мы, нападающие, были хорошими пехотинцами, мы всегда толкались плечами в ракинге и моле, сшибались в «схватках» и высоко подпрыгивали, чтобы поймать мяч в «коридорах». Нападающие обычно самые

рослые и сильные в команде, и, хотя я был одним из самых высоких игроков, для своего роста я был слишком тощим. Когда вокруг меня проносились высокие и крепкие фигуры других игроков, удержаться на ногах я мог, только решительно напрягая все силы.

Знакомство с девушками тоже требовало от меня больших усилий, но и тут я тоже никогда не переставал стараться. Я был так же одержим хорошенькими девушками, как и Панчито, но при этом, не переставая мечтать стать таким же ловким дамским угодником, как он, я понимал, что не принадлежу к его классу. Немного застенчивый, длинноногий и неуклюжий, с заурядной внешностью, да к тому же и в толстых очках в роговой оправе, я вынужден был признать, что большинство девушек вовсе не находят меня потрясающим. Не то чтобы я был непопулярен – нет, на свиданки и я тоже ходил, но было бы преувеличением заявить, что девушки выстраивались ко мне в очередь. Мне приходилось прилагать усилия, чтобы заинтересовать девушку, но даже когда мне это удавалось, всё шло не так, как я планировал. Однажды, например, мне удалось, после нескольких месяцев неустанных попыток, добиться свидания с девушкой, которая мне действительно нравилась. Я повёз её в Лас-Делисиас, и она осталась ждать в машине, пока я покупал нам мороженое. А когда я возвращался к машине, держа в каждой руке по рожку мороженого, я споткнулся обо что-то на тротуаре и потерял равновесие. Ноги у меня заплелись, я продол-

жил движение к припаркованной машине, выписывая зигзаги, лихорадочно пытаюсь выпрямиться и не уронить мороженое, но у меня ничего не вышло. После я часто пытался представить себе, как всё это выглядело для сидевшей в машине девушки: вот её кавалер, шатаясь, широко выписывая кренделя, устремляется к ней с другой стороны улицы, то сгибаясь, то разгибаясь, разинув рот и вытаращив глаза, как блюдца. Его несёт к машине, потом он будто пытается нырнуть под неё, щекой ударяется в окно водителя, да так, что голова отскакивает от стекла. Затем он пропадает из поля зрения девушки, оседая на землю, и всё, что от него остаётся – два размазанных рожка мороженого, стекающего по окну.

Вот с Панчито такого бы ни за что не случилось бы, проживи он хоть пять жизней подряд. Он был одним из лучших, все восхищались его изяществом и легкостью, с которой он скользил по жизни. Но я хорошо знал его и понимал, что жизнь Панчито вовсе не так проста, как кажется. Под его очарованием и уверенностью скрывалось сердце меланхолика. Он мог быть язвительным и отстраненным. Часто впадал в долгое мрачное уныние и раздраженно молчал. И сидело в нём какое-то дьявольское беспокойство, которое иногда тревожило меня. Он всегда провоцировал меня множеством бестолковых вопросов: «Как далеко ты готов зайти, Нандо? Ты сумеешь списать на контрольной? Ты мог бы ограбить банк? А угнать машину?»

Я всегда смеялся, когда он заговаривал об этом, но не

мог игнорировать скрытые вспышки гнева и печали, которые проявлялись в этих вопросах. Я не осуждал его за это, потому что знал, что всё это – результат разбитого сердца. Родители Панчито развелись, когда ему было четырнадцать лет. Для него их развод стал катастрофой, ранившей его настолько сильно, что он так и не смог оправиться, а в душе его поселилась боль. У него были два брата и сводный брат от предыдущего брака отца, но всё равно ему чего-то не хватало. Думаю, ему сильно недоставало семейного тепла и любви полной, счастливой семьи. Во всяком случае, я быстро понял, что, несмотря на все таланты, которыми он был наделён, всему тому, чему я завидовал, Панчито завидовал мне ещё сильнее, потому что у меня было всё, о чём он мог только мечтать – мои сёстры, бабушка, мать с отцом и пусть тесный, но наполненный счастьем дом.

Для меня Панчито стал скорее братом, чем другом, и моя семья относилась к нему так же. С того самого дня, как я привёл Панчито к нам, мои отец и мать приняли его как сына, так что он всегда воспринимал мой дом как свой. Панчито с радостью принимал мои приглашения, и вскоре он стал привычной частью нашего мира. Он проводил с нами выходные, путешествовал с нами, участвовал в семейных праздниках и торжествах. Он делил со мной и моим отцом увлечение автомобилями и вождением, и ему нравилось ездить с нами на автогонки. Для Суси он стал вторым старшим братом. Мама питала к нему особую привязанность. Помню, как

он присаживался на столешницу в кухне, пока она готовила, и они болтали часами. Она часто поддразнивала его из-за увлечения девушками.

— У тебя на уме одни только девочки, — говорила она ему. — И когда только ты повзрослеешь?

— Вот повзрослею и точно буду гоняться за ними! — отвечал ей, бывало, Панчито. — Мне же всего восемнадцать, сеньора Паррадо! Я пока только начинаю.

Я видел много силы и глубины чувств в душе Панчито, в его дружеской преданности мне, в том, как яростно он оберегал Суси, в спокойном почтении, с которым он относился к моим родителям, даже в любви, с которой он относился к слугам в доме своего отца, любившим его, как сына. Но яснее всего я видел в нём человека, который ничего на свете не желал так страстно, как радостей счастливой семьи. Мне было открыто его сердце. Я мог предвидеть его будущее. Он встретит женщину, которая приручит его. Станет отличным мужем и любящим отцом. Я тоже женюсь. Наши семьи будут как одна; наши дети будут расти вместе. Конечно, мы никогда не говорили об этом — мы тогда были подростками, — но думаю, он знал, что я хорошо понимаю его, и полагаю, что мысль об этом способствовала укреплению уз нашей дружбы.

И всё же мы были молоды, и будущее казалось нам далёким и неясным. Честолюбие и ответственность могли подождать. Как и Панчито, я жил настоящим. Позже ещё будет

время для серьёзных разговоров. Я был молод, игра ждала нас, и, несомненно, именно игра была всегда точкой фокуса всей моей жизни. Не то чтобы я был ленив или эгоцентричен. Я считал себя хорошим сыном, старательным и трудолюбивым студентом, надёжным другом, честным и порядочным человеком. Я просто не спешил взрослеть. Жизнь я воспринимал как нечто, происходящее именно *сегодня*. У меня не было никаких твёрдых принципов, никаких определяющих целей или побуждений. В те дни, если бы вы спросили, какова цель моей жизни, я бы расхохотался и ответил: «Веселиться». Тогда мне и в голову не приходило, что я могу позволить себе роскошь столь беззаботного существования лишь благодаря тому, что мой отец, во многом отказывая себе, с ранних лет относился к своей жизни серьёзно. Он тщательно планировал свои цели и, годами полагаясь только на себя и строгую самодисциплину, сумел предоставить мне безопасную жизнь, полную привилегий и досуга, которые я так бездумно принимал как должное.

Мой отец, Селер Паррадо, родился в Эстасьон Гонсалес, на пыльной окраине плодородных сельскохозяйственных районов Уругвая, откуда обширные скотоводческие ранчо, или *эстансии*, поставляли ценную высококачественную говядину, которой славится Уругвай. Его отец был бедным бродячим торговцем, он переезжал в крытой повозке от одной *эстансии* до другой и привозил на продажу владельцам

ранчо или непосредственно неотёсаным гаучос⁶, присматривавшим за стадами, сёдла, уздечки, сапоги и прочие товары для фермерского быта. У него была тяжёлая жизнь, полная трудностей и неопределённости, и практически лишённая каких-либо удобств. (Всякий раз, когда я принимался жаловаться на что-либо, отец напоминал мне, что в пору, когда сам он был мальчиком, ванной и туалетом ему служила жестяная будка метрах в пятнадцать от дома и что рулон туалетной бумаги он впервые в увидел лишь в возрасте одиннадцати лет, когда его семья перебралась в Монтевидео.)

Жизнь в деревенской местности оставляла немного времени для отдыха или игр. Каждый день отец ходил по грунтовым тропинкам в школу и обратно, но при этом считалось, что и он должен вносить свой вклад в повседневную борьбу семьи за выживание. Когда ему было шесть лет, он уже подолгу работал на маленькой семейной ферме – приглядывал за курами и утками, носил воду из колодца, собирал хворост и помогал матери обрабатывать огород. К восьми годам он стал помощником отца и проводил с ним в повозке долгие часы, пока они объезжали одно ранчо за другим. Его детство не было беззаботным, но научило его, как ценен упорный труд; он с ранних лет понимал, что никто ему ничего не даст просто так, а жизнь его станет именно такой, какой он сам

⁶ Гаучо (мн. ч. гаучос) – социальная, в том числе иногда субэтническая группа в Аргентине, Уругвае и штате Риу-Гранди-ду-Сул в Бразилии, близкая по духу американским ковбоям.

её делает.

Когда отцу было одиннадцать лет, семья переехала в Монтевидео, где дед открыл лавочку, торгующую теми же товарами, что он продавал владельцам ранчо и фермерам в сельской местности. Затем Селер стал автомехаником – он увлекался автомобилями и двигателями с самого раннего детства, – но, когда ему было уже за двадцать, дед решил отойти от дел, и так мой отец стал владельцем лавочки. Дедушка в своё время очень мудро выбрал место для своей торговли – совсем рядом с железнодорожным вокзалом в Монтевидео. В те дни попасть из деревенской местности в город можно было лишь по железной дороге, так что, когда владельцы ранчо и гаучос приезжали в город за продуктами, они сходили с поезда и оказывались прямо перед входом в магазин. Однако к тому времени, когда Селеру пришлось вести дела в лавке, всё изменилось. Самым популярным видом транспорта были уже не поезда, а автобусы, и автовокзал был далеко от магазина. Мало того, теперь даже в глубинке Уругвая пришёл век машин и техники. Грузовики и тракторы быстро уменьшили зависимость фермера от лошадей и мулов, а это означало резкое падение спроса на сёдла и уздечки, которыми торговал отец. Продажи падали. Казалось, бизнес обречён на провал. Затем Селер провел эксперимент – очистил половину своей лавки от фермерских товаров и разложил там всевозможные метизы: гайки и болты, гвозди и винты, проволоку и петли. Торговля сразу пошла в гору. Не прошло

и нескольких месяцев, как он вовсе убрал из лавки шорные изделия и заполнил полки скобяным товаром. Он по-прежнему перебивался на грани нищеты и спал на полу в комнате над магазином, однако, по мере того как продажи росли, он начал понимать, что нашёл своё будущее.

В 1945 году это будущее стало ещё лучше, поскольку Селер взял в жёны мою мать, Эухению. Она была столь же честолюбива и независима, как и он, и с самого начала они стали не просто супружеской парой, а крепкой командой, надеявшейся достичь светлого будущего. Как и отцу, Эухении пришлось в юности несладко. В 1939 году, когда ей было шестнадцать лет, вместе с родителями и бабушкой она эмигрировала из Украины, спасаясь от бедствий Второй мировой войны. Её родители, пчеловоды, осели в глубинке Уругвая и вели скромную жизнь, разводя пчёл и торгуя мёдом. Это была жизнь, полная упорного труда и ограниченных возможностей, поэтому, как только ей исполнилось двадцать, Эухения, как и мой отец, перебралась в Монтевидео, в поисках лучшего будущего. Когда она выходила замуж за моего отца, она уже работала клерком в большой медицинской лаборатории в городе, и поначалу она помогала в скобяной лавке только в свободное время. В первое время родителям приходилось очень туго. Денег было так мало, что они не могли позволить себе приобрести мебель, так что совместную жизнь они начали в пустой квартире. Но в конце концов их тяжкие усилия окупились, и скобяная лавка начала

приносить прибыль. Когда в 1947 году родилась моя старшая сестра Грасиэла, мать смогла уйти из лаборатории и полный рабочий день трудиться рядом с моим отцом. Я появился на свет в 1949 году. Суси последовала за мной три года спустя. К тому времени Эухения стала опорой семейного бизнеса, и её трудолюбие и деловая смекалка помогли обеспечить нам очень хороший уровень жизни. Однако, несмотря на важность занятия бизнесом, на первом месте для моей матери всегда были дом и семья. Однажды, когда мне было двенадцать, она объявила, что нашла нам идеальный дом в Карраско, одном из лучших жилых районов Монтевидео. Никогда не забуду выражение счастья в её глазах, когда она описывала дом: это современный двухэтажный особняк недалеко от пляжа, сказала она, с большими окнами и просторными светлыми комнатами, широкими лужайками и верандой, овеваемой бризом. Из дома открывался чудесный вид на море, и это нравилось матери больше всего на свете. До сих пор помню, какой восторг звучал в её голосе, когда она сказала нам: «Мы сможем любоваться закатом над океаном!» Её синие глаза сияли от слёз. Она начинала совсем с малого, и вот теперь нашла жилище своей мечты, место, которое станет домом на всю жизнь.

В Монтевидео, если сказать, что живёшь в Карраско, это воспринимают как показатель престижа, и, переселившись в новый дом, мы оказались среди высших слоёв уругвайского общества. Нашими соседями были самые известные в стра-

не промышленники, профессионалы, художники и политики. Это было статусное место людей, наделённых определённым могуществом, далёкое от скромного мира, в котором родилась моя мать, и она, должно быть, испытала огромное удовлетворение, сумев добиться этого для нас. Но она всегда твёрдо стояла на земле, а потому мысль о важных соседях или радость от проживания в таком районе не слишком кружили ей голову. Каким бы успешным ни становился наш семейный бизнес, мать ни за что не отказалась бы от ценностей, на которых была воспитана, ни за что не забыла бы, где и как жила.

Одним из первых дел, которыми мать занялась в новом доме, стала помощь её собственной матери, Лине, которая жила с нами с нашего рождения. Вместе с бабушкой мать вскопала широкую полосу посреди пышной зелёной лужайки позади дома, чтобы освободить место для огромного огорода. (Лина также завела у нас во дворе несколько уток и кур, так что соседи, должно быть, перепугались, поняв, что эта синеглазая старуха с белоснежными волосами, одевавшаяся просто, как европейская крестьянка, и носившая садовые инструменты на кожаном поясе, устроила настоящую маленькую ферму в одном из самых благовоспитанных и ухоженных районов города.) Благодаря любви и стараниям Лины в нашем саду вскоре стали вызревать обильные урожаи бобов, гороха, зелени, перца, тыквы, кукурузы, помидоров – столько, что нам всего этого было не съесть, но у ма-

тери ни зёрнышка даром не пропадало. Вместе с Линой она целыми часами консервировала излишки урожая, закатывая их в стеклянных банках и выстраивая их рядами в кладовке, благодаря чему мы могли наслаждаться плодами сада круглый год. Мать ненавидела расточительность и притворство, ценила бережливость и никогда не теряла веры в ценность упорного труда. Бизнес отца требовал от неё многого, и она долго и старательно работала, чтобы добиться успеха, но она также всегда принимала активное участие в нашей жизни, всегда была рядом, чтобы проводить нас в школу или встретить нас дома, никогда не пропускала футбольные и регбийные матчи, в которых я участвовал, или выступления моих сестёр в школе. Она была женщиной неуёмной и могучей энергии, всегда готовая ободрить и дать мудрый совет, с неиссякаемыми запасами смекалки и здравого смысла, которые помогли ей завоевать уважение всех, кто знал её, а она вновь и вновь делом доказывала, что достойна их доверия.

Однажды, например, в составе группы членов Ротари-клуба⁷ мать сопровождала пятнадцать малышей из Карраско во время экскурсии на уикенд в Буэнос-Айрес. Че-

⁷ Ротари Интернэшнл (англ. Rotary International) – международная неправительственная ассоциация, она объединяет Ротари-клубы по всему миру. Это нерелигиозные и неполитические благотворительные организации, они открыты для всех, независимо от национальной и расовой принадлежности, вероисповедания и политических взглядов. Название «Ротари» взято от первоначальной практики чередования (ротации) места проведения собраний в офисах самых первых членов клуба.

рез несколько часов после их прибытия в городе произошел военный переворот, целью которого было свержение правительства Аргентины. На улицах царил хаос, телефон у нас дома надрывался от звонков встревоженных родителей, желавших знать, всё ли в порядке с их детьми. Снова и снова я слышал, как отец успокаивал их, с полной уверенностью в голосе повторяя: «Они с Эухенией, с ними ничего не случится». И правда, ничего с ними не случилось, во многом благодаря усилиям моей матери. Было уже около полуночи. В Буэнос-Айресе было небезопасно, а мать знала, что последний паром в Монтевидео отходит через несколько минут, поэтому она позвонила в управление паромной переправы и убедила издёрганных перевозчиков отложить последний рейс и дожждаться её с детьми. Затем она собрала всех детей и их вещи и повела их по обезлюдевшим улицам Буэнос-Айреса к тёмной набережной, где был пришвартован паром. Они благополучно поднялись на борт, и в три часа паром отправился в путь, на три часа позже запланированного времени. На мою мать всегда можно было рассчитывать, если нужна была помощь, но её сила всегда основывалась на тепле и любви, и благодаря этой любви и защите я вырос, искренне веря, что мир – безопасное и доброе место.

К тому времени, когда я стал учиться в средней школе, мои родители владели тремя большими процветающими хозяйственными магазинами в Уругвае. Отец также импортировал изделия со всего мира и продавал их оптом в неболь-

шие лавки хозтоваров по всей Южной Америке. Бедный деревенский парень из Эстасьон Гонсалес прошел долгий жизненный путь, и я думаю, что он испытывал огромное удовлетворение, и при этом я ни разу не усомнился, что всё это он делал ради нас. Он дал нам жизнь, настолько полную комфорта и привилегий, что его собственному отцу не под силу было и представить это себе, он заботился о нас и защищал нас наилучшим образом, и, хотя он не был излишне эмоционален, он всегда проявлял свою любовь к нам ненавязчиво, спокойно и так, как только он один умел это делать. Когда я был маленьким, он брал меня в скобяную лавку, водил вдоль полок и терпеливо делился со мной секретами всех блестящих металлических шурувок, которые служили основой процветания нашей семьи. «Это – дюбель-бабочка, Нандо. Он нужен, чтобы закрепить что-то тяжёлое на пустотелой стене. А это люверс – с его помощью укрепляют края отверстия в брезенте, чтобы можно было пропустить верёвку и привязать его. А вот тут у нас анкер. А здесь каретный болт. Вот гайки-барашки. Здесь мы держим шайбы – разрезные, стопорные, кольцевые и плоские, всех размеров. Ещё мы продаём шурупы-глухари, винты с крестообразной головкой, с цилиндрической, с конической, крепёжные винты, саморезы... Смотри, вот обыкновенные гвозди, вот финишные, тут вот кровельные, там гвозди с кольцевой накаткой, здесь ершёные гвозди, есть строительные, с двойной головкой, да у нас тут больше видов гвоздей, чем ты себе мо-

жешь представить...»

Это были для меня самые драгоценные мгновения. Мне нравилась та кроткая серьёзность, с которой он делился своими знаниями, и я ощущал себя ближе к нему, понимая, что он считает меня уже большим мальчиком, чтобы доверить мне свои знания. На самом деле это было больше, чем просто игра, он обучал меня тому, что мне следовало знать, чтобы помогать ему в магазине. Но даже в детстве я сознавал, что в его уроках таится более глубокий смысл: он учил меня тому, что всё в жизни упорядочено, всё в жизни имеет свой смысл: «Видишь ли, Нандо, для каждого дела есть подходящая гайка, болт, петля или инструмент». Хотел он этого или нет, но он преподавал мне великий урок, который он сам усвоил за годы тяжких усилий: не теряй головы в облаках. Уделяй внимание деталям, всем этим мелким шайбочкам и винтикам, на которых держится реальная жизнь. Нельзя построить свою жизнь, взяв за основу лишь мечты и желания. Хорошая жизнь не свалится на тебя с неба. Ты должен строить жизнь с нуля, не прекращая ясно мыслить и упорно трудиться. Всё в жизни имеет свой смысл. Есть правила и реалии, которые не изменятся, как бы нам этого ни хотелось. И наша задача – понимать эти правила. Если научишься в них разбираться, если будешь уметь усердно работать как руками, так и головой, всё с тобой будет в порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.